

Курс на шторм

Лина Вей

Лина Вей

Курс на шторм

«Автор»

2026

Вей Л.

Курс на шторм / Л. Вей — «Автор», 2026

«Курс на шторм» — это напряжённый, до предела реалистичный триллер, где каждая цифра в метеосводке — улика, каждый манёвр пилота — подвиг, а каждая фраза в отчёте может оказаться ложью. Обычный рейс превращается в смертельную ловушку: самолёт попадает в шторм, параметры которого противоречат всем законам метеорологии. А следом приходит ещё большая угроза — захват. Пассажиры заперты между яростной стихией и людьми, для которых чужая жизнь ничего не стоит. «Курс на шторм» держит в напряжении с первой до последней страницы: вы будете сжимать подлокотники вместе с пассажирами, следить за стрелками приборов вместе с пилотом и расшифровывать цифры вместе с Катей. Это не просто история о катастрофе — это история о том, как далеко могут зайти люди ради власти и денег, и о тех, кто находит в себе силы бросить им вызов.

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Катя: прогноз, который никто не слушает	5
Глава 2. Олег: служащий банка в Москве, который летит в Бостон по работе	8
Глава 3. Аэропорт: случайные встречи и тревожные знаки	10
Глава 4. Взлёт и первые странности	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лина Вей

Курс на шторм

Глава 1. Катя: прогноз, который никто не слушает

В кабинете пахло старой бумагой и кофе — тот самый запах, который у Кати уже много лет ассоциировался с тревогой. За окном Москва медленно просыпалась: серые многоэтажки ещё прятались в предрассветной дымке, а по проспекту уже тянулась бесконечная лента фар. Катя (32 года, работает в московском научно-исследовательском центре метеорологии и климатического мониторинга (условно — НИЦ «КлиматПрогноз») сидела перед тремя мониторами, и на каждом — свои графики, свои кривые, свои цифры, которые складывались в одну-единственную картину. И эта картина ей очень не нравилась.

Она снова сверила данные: модель показывала аномальное нарастание давления над тёплым течением, резкий сдвиг ветра на высоте, нестабильность фронта. Всё это вместе давало один вывод — над северной частью Атлантического океана формируется шторм, которого не должно быть по всем канонам сезонности. Такой силы, что он мог бы ломать привычные маршруты, менять расписания, срывать конференции. И срывать жизни.

Катя вздохнула и потянулась за остывшим кофе. На столе лежала распечатка её доклада — аккуратные листы, чёткие шрифты, графики с подписями. Она вложила в него всё: расчёты, сравнения с прошлыми годами, ссылки на спутниковые снимки. Но знала: этого будет мало.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул Игорь Петрович (58 лет), её начальник. Он был из тех, кто верил в «среднюю температуру по больнице» и терпеть не мог, когда прогнозы пугали.

— Катя, ты ещё здесь? — спросил он, поправляя очки. — Уже почти восемь. Ты на конференцию-то успеваешь?

— Успеваю, — ответила Катя, не отрываясь от экрана. — Но я хотела ещё раз пройтись по шторму. Смотри, вот здесь модель даёт резкий рост энергии. Это не просто сильный ветер, это каскад. Если он выйдет на пик, он будет держаться долго и бить по площадям.

Игорь Петрович подошёл ближе, прищурился на график, будто надеялся, что тот сам по себе станет менее пугающим.

— Модель, Катя, это модель, — сказал он спокойно, но с той интонацией, которая означала: «не раздувай». — У неё бывают выбросы. Ты сама знаешь: алгоритмы любят драматизировать.

— Но выбросы не повторяются на трёх независимых источниках, — возразила Катя. — Я сверила с данными спутников, с буями, с наземными станциями. Везде один и тот же сигнал.

— И всё равно, — Игорь Петрович слегка постучал пальцем по краю монитора. — Давай не будем пугать людей. Международную конференцию по экстремальным погодным явлениям в Бостоне (США) — это про науку, а не про апокалипсис. Сделай акцент на методах прогнозирования, на новых подходах. А шторм... ну, упомяни как возможный сценарий. Не как неизбежность.

Катя почувствовала, как внутри поднимается привычное раздражение — тихое, но упрямое. Она привыкла доверять цифрам. Цифры не спорили, не сглаживали углы, не просили «не пугать». Цифры просто были.

— Игорь Петрович, если мы сейчас скажем «возможный сценарий», а потом окажется, что мы могли предупредить, — как это будет выглядеть? — спросила она, наконец подняв глаза.

Он помолчал, потом вздохнул и сел на край стола.

— Катя, мы с тобой не боги, чтобы предсказывать будущее. Мы учёные, которые работают с вероятностями. И наша задача — не сеять панику, а давать взвешенные оценки. Ты молодец, ты всё посчитала. Но давай не будем делать из этого катастрофу.

Катя сжала губы, кивнула, но ничего не ответила. Спорить дальше было бесполезно. Она знала этот тон: он означал, что прогноз «спускают на тормозах».

Когда Игорь Петрович ушёл, Катя ещё несколько минут посидела, глядя на экраны. Потом закрыла вкладки, аккуратно сложила распечатки в папку, выключила мониторы. В комнате сразу стало тише, будто вместе с экранами погасли и её аргументы.

На улице было прохладно. Катя накинула пальто и пошла к выходу. В коридоре уже сновали люди — кто-то смеялся, кто-то торопился, кто-то обсуждал планы на выходные. Катя шла мимо, почти не замечая их. Её мысли всё ещё крутились вокруг цифр, вокруг шторма, вокруг того, как легко можно было бы всё объяснить, если бы кто-то просто захотел послушать.

В фойе она остановилась у большого окна. Город жил своей жизнью: машины, автобусы, люди с зонтами, хотя дождя не было. Всё было таким обычным, таким предсказуемым. И от этого контраст с тем, что творилось над океаном, казался ещё более пугающим.

Телефон завибрировал — пришло уведомление о такси. Катя посмотрела на экран: «Машина ждёт». Она накинула капюшон и вышла на улицу.

У подъезда стоял жёлтый седан. Водитель приоткрыл дверь, кивнул:

— В аэропорт, да?

— Да, — коротко ответила Катя, садясь на заднее сиденье.

Машина тронулась. За окном поплыли знакомые улицы, светофоры, витрины. Катя смотрела вперёд, но видела не город, а графики, стрелки, линии изобар. Она знала, что шторм там, над Атлантическим океаном, уже начал свой путь. И знала, что никто не хочет в это верить.

По дороге она достала телефон и открыла черновик письма — хотела ещё раз отправить свои расчёты кому-нибудь из коллег, кто мог бы поднять вопрос. Пальцы замерли над клавиатурой. Потом она закрыла приложение. Сейчас это уже ничего не изменит.

Такси выехало на шоссе. Впереди тянулась длинная полоса дороги, уходящая к горизонту. Катя откинулась на сиденье и закрыла глаза. На мгновение ей захотелось просто поверить, что всё будет хорошо. Что шторм рассеется, что её прогноз окажется ошибкой, что она зря волновалась.

Но она не умела верить в случайности. Она умела верить в цифры. А цифры говорили: шторм будет. И он будет сильным.

Когда машина остановилась у терминала, Катя вышла, взяла чемодан и направилась к входу. Внутри было шумно, ярко, суетливо. Люди спешили, смеялись, прощались. Кто-то держал в руках цветы, кто-то — игрушки, кто-то — просто чашку кофе, как будто это могло сделать ожидание легче.

Катя встала в очередь на регистрацию. Перед ней женщина нервно листала паспорт, позади мужчина тихо разговаривал по телефону. Катя посмотрела на табло: её рейс был в списке, буквы и цифры сливались в привычный набор символов. Но сегодня они казались ей чем-то большим — не просто маршрутом, а точкой отсчёта.

Пока она ждала своей очереди, снова мысленно вернулась к графику: к той точке, где линии сходились, где начинался шторм. И вдруг поняла: даже если никто не хочет слушать, она всё равно должна быть там. Должна увидеть, как всё начнётся. Должна быть готова.

Когда подошла её очередь, Катя протянула документы, улыбнулась дежурной улыбкой и сказала:

— Добрый день. У меня рейс на конференцию в Бостон.

Сотрудница кивнула, что-то напечатала, вернула документы.

— Посадка через два часа. Приятного полёта.

Катя взяла посадочный талон, кивнула и пошла дальше. В зоне досмотра, в зале ожидания, среди тысяч людей, она вдруг почувствовала себя странно одинокой. Не потому, что рядом не было никого знакомого, а потому, что знала то, чего не знали другие. И не могла никому это объяснить.

Она села у окна, достала папку с докладом и ещё раз пробежалась глазами по страницам. Потом закрыла её и положила рядом. Впереди был полёт. Впереди была конференция. И впереди был шторм — тот, о котором пока никто не хотел слышать.

Глава 2. Олег: служащий банка в Москве, который летит в Бостон по работе

Олег сидел в полутёмном кабинете, и свет монитора выхватывал из темноты только его руки да часть лица. На экране тянулись бесконечные столбцы цифр — кредитные лимиты, процентные ставки, графики просрочек. Для кого-то это была сухая отчётность, для Олега — почти как карта шторма: по едва заметным отклонениям можно было угадать, где вот-вот «рванёт».

Он зевнул, потянулся и посмотрел на часы: почти полночь. В офисе давно никого не было, только в коридоре изредка поскрипывал пол — ночная уборщица тихо делала свою работу. Олег закрыл отчёт, щёлкнул мышкой, чтобы выйти из системы, и откинулся на спинку кресла.

В голове всё ещё крутились цифры, но поверх них настойчиво пробивалось другое: мысль о море. Странная, упрямая, будто чужая. Олег не был моряком уже много лет, но иногда, вот так, посреди отчётов и совещаний, его снова тянуло туда, где горизонт не упирается в стеклянные фасады, а небо не режут линии электропередач.

Он достал из ящика стола старую фотографию: он на палубе рыболовного судна, ветер треплет куртку, а рядом — команда, все в непромокаемых костюмах, смеются. Тогда ему было двадцать пять, и он ещё не знал, что однажды променяет солёный воздух на запах кофе из автомата и гул кондиционеров.

Олег убрал фото, сунул его обратно в ящик, будто стыдясь этой слабости. Потом открыл почту, нашёл письмо с темой «Командировка: Бостон, конференция по финансовым рискам». Всё было расписано по пунктам: рейсы, отели, встречи. Он кликнул на бронирование — ночной рейс из Москвы в Бостон на Боинге 747. Время вылета — 01:15. Идеально, чтобы утром быть свежим на первой сессии.

Он забронировал билет, подтвердил, закрыл вкладку. И вдруг почувствовал, как внутри что-то сжалось — не от волнения, а от странного предчувствия. Как будто этот рейс был не просто способом добраться до конференции, а чем-то большим.

Олег вышел из офиса, спустился на лифте в пустой холл. Охранник кивнул ему, как старому знакомому:

— Опять последним уходите, Олег Дмитриевич.

— Работа такая, — улыбнулся Олег, хотя улыбка получилась натянутой. — Зато завтра уже в Бостоне.

— Удачного полёта, — сказал охранник, возвращаясь к своим мониторам.

На улице было прохладно и тихо. Москва будто выдохнула дневной шум и теперь дремала, мерцая редкими огнями. Олег шёл к метро, засунув руки в карманы, и думал о том, как странно устроена жизнь: сегодня ты стоишь на палубе, а завтра считаешь проценты и летишь через океан, чтобы рассказать другим, как управлять рисками.

Дома он быстро собрал чемодан: костюм, рубашки, ноутбук, зарядку. В последний момент сунул туда старую морскую книжку — сборник логий и примет, которую когда-то подарил ему капитан первого судна. «На всякий случай», — подумал Олег, хотя сам не знал, какой именно случай он имеет в виду.

Перед сном он долго смотрел в окно. Город внизу казался бесконечным лабиринтом огней, а над ним — чёрное небо, в котором не было ни одной звезды. Олег вспомнил слова старого капитана: «Если ты видишь волну, ты уже опоздал». Тогда он думал, что это про море. Теперь ему казалось, что это может быть про всё.

Будильник прозвенел в половине двенадцатого. Олег встал, принял душ, выпил чашку крепкого кофе. В голове было ясно, но в груди всё ещё жило то самое чувство — будто он стоит на пороге чего-то важного.

Такси приехало ровно в 23:45. Водитель, молодой парень с наушником, кивнул:

— В аэропорт?

— Да, — коротко ответил Олег.

Машина тронулась. За окном поплыли улицы, знакомые до мелочей, но сегодня они выглядели как-то иначе — будто Олег видел их в последний раз перед долгим плаванием.

По дороге он листал письма на телефоне, проверял расписание, отвечал на срочные сообщения. Но между строками всё равно проступало другое: шум ветра, скрип палубы, тяжесть штормовых волн.

Когда такси подъехало к терминалу, Олег расплатился, взял чемодан и вышел. В здании аэропорта было шумно, ярко, суетливо. Люди спешили, смеялись, прощались. Кто-то держал в руках цветы, кто-то — игрушки, кто-то просто чашку кофе, как будто это могло сделать ожидание легче.

Олег встал в очередь на регистрацию. Перед ним молодая девушка, позади мужчина тихо разговаривал по телефону. Олег посмотрел на табло: его рейс был в списке, буквы и цифры сливались в привычный набор символов. Но сегодня они казались ему чем-то большим — не просто маршрутом, а точкой отсчёта.

Пока он ждал своей очереди, снова вспомнил старую примету: если перед рейсом небо чёрное и без звёзд — будет трясина. Он усмехнулся про себя: теперь он не капитан, он банковский служащий. Его штормы — это финансовые кризисы и скачки валют. Но где-то глубоко внутри он знал: настоящая буря всегда начинается одинаково — с тишины.

Когда подошла его очередь, Олег протянул документы, улыбнулся дежурной улыбкой и сказал:

— Добрый вечер. У меня рейс в Бостон.

Сотрудница кивнула, что-то напечатала, вернула документы.

— Посадка через пол часа. Приятного полёта.

Олег взял посадочный талон, кивнул и пошёл дальше.

Он сел у окна, достал свою морскую книжку, полистал её, не читая, просто перебирая страницы. Потом закрыл и убрал обратно в сумку. Впереди был полёт. Впереди была конференция. И впереди была ночь — та самая, когда шторм только набирает силу, а люди ещё не знают, что им предстоит.

Глава 3. Аэропорт: случайные встречи и тревожные знаки

Зал вылета международных рейсов гудел, как растревоженный улей. Сотни голосов сливались в ровный, низкий гул, перебиваемый объявлениями на двух языках. Свет был слишком ярким, почти стерильным — таким, что тени казались неестественно резкими, а лица пассажиров — чуть бледнее обычного. Катя стояла у колонны, держа в руках стакан остывшего кофе, и пыталась унять привычное раздражение: она терпеть не могла эту искусственную бодрость аэропортов.

Она посмотрела на табло над зоной регистрации. Строки с рейсами бежали вниз, сменяя друг друга, но что-то в этом движении казалось ей неправильным. Табло мерцало — не сильно, едва уловимо, как будто где-то внутри системы пробегала короткая помеха. Катя прищурилась, пытаясь поймать ритм этого мерцания. Ей вдруг вспомнились старые фильмы про сбои в компьютерах, когда за безобидным миганием скрывалась настоящая катастрофа. Она тряхнула головой, прогоняя нелепую мысль. Но ощущение осталось.

Рядом на экране крутилась метеосводка. Катя машинально скользнула взглядом по карте: циклоны, фронты, зоны осадков. Но картинка была странной — обрезанной, будто кто-то стёр часть данных. Не было ни координат, ни точных скоростей ветра, ни прогноза на ближайшие часы — только общие фразы: «возможны осадки», «порывистый ветер». Для аэропорта, который отправлял рейсы через океан, это выглядело как насмешка. Катя нахмурилась. Она знала: без точных цифр любой прогноз — это просто гадание.

— Опять что-то не так? — раздался рядом голос.

Катя вздрогнула и обернулась. Рядом стояла стюардесса в аккуратной форме, с уставшими, но добрыми глазами.

— Простите? — переспросила Катя.

— Вы так смотрите на экран, будто пытаетесь найти там ошибку, — улыбнулась девушка. — Я вас ещё у стойки заметила. Вы метеоролог, да? По глазам видно.

Катя невольно улыбнулась в ответ:

— Почти. Я еду на конференцию. И да, мне не нравится, что сводка такая... общая.

Стюардесса пожала плечами:

— У нас система сегодня капризничает. То мерцает, то данные не подтягивает. Техники бегают, но пока без толку. Говорят, серверы где-то зависают.

— А шторм над Атлантикой? — спросила Катя, стараясь говорить спокойно. — Должны быть детали. Это важно для рейсов.

Девушка на секунду замешкалась, будто хотела сказать что-то, но потом лишь покачала головой:

— Мне дают то, что есть. Если хотите, можете уточнить у диспетчеров, но... — она понизила голос, — сегодня там тоже какая-то суета. Будто все ждут чего-то.

Катя хотела спросить ещё, но стюардесса уже кивнула ей и пошла дальше, растворяясь в потоке людей. Катя снова посмотрела на экран. Мерцание стало чуть заметнее. Или ей только казалось?

В этот момент она краем глаза заметила Олега. Он стоял чуть поодаль, у стойки с газетами, и листал что-то на телефоне. В нём было что-то знакомое — не лицо, не фигура, а какая-то особая собранность, будто он всегда был готов к внезапному шторму, даже если этот шторм состоял из отчётов и презентаций. Катя на секунду задержала на нём взгляд, но тут же отвернулась. Знакомиться в аэропорту не хотелось. Да и незачем.

А Олег темвременем чувствовал, как по спине ползёт неприятный холодок. Он убрал телефон, сунул его в карман и огляделся. Всё было как обычно: люди, сумки, тележки, объявления. Но что-то было не так.

Он заметил двоих мужчин у схемы выходов. Они стояли слишком спокойно для пассажиров: не листали телефоны, не смотрели на табло, не проверяли билеты. Они изучали схему — внимательно, методично, будто запоминали каждый коридор, каждый запасной выход. Один из них тихо что-то говорил другому, указывая пальцем на стрелки. Олег поймал себя на мысли, что так изучают план здания не те, кто спешит на рейс, а те, кто готовится к чему-то другому.

Олег сделал шаг в сторону, будто случайно, чтобы лучше их рассмотреть. Мужчины были одеты неприметно: тёмные куртки, джинсы, ничего выделяющегося. Лица заурядные, такие, которые забываешь через минуту. Но в их движениях была уверенность, которой не бывает у обычных путешественников.

«Может, служба безопасности?» — подумал Олег. Но тут же отбросил эту мысль. У службы безопасности другие позы, другая манера держаться. Эти двое были... другими.

Он достал свою старую морскую книжку, открыл наугад страницу, будто ища в ней опору. На развороте была выцветшая карта и пометка карандашом: «Шторм не приходит один. Он ведёт за собой тени». Олег хмыкнул про себя. Старая примета, глупая, но почему-то сейчас она казалась пугающе уместной.

Рядом кто-то громко рассмеялся. Олег вздрогнул и захлопнул книжку. Он поймал на себе короткий взгляд женщины в тёмном пальто — той самой, что стояла у табло и хмурилась на экран со сводкой. Их взгляды встретились на долю секунды, и в этом мгновении промелькнуло что-то общее: оба чувствовали, что вокруг происходит что-то неправильное, оба не знали, как это назвать.

Но ни Катя, ни Олег не подошли друг к другу. Не заговорили. Просто на мгновение замерли в этом гудящем зале, каждый со своим предчувствием, со своей тревогой, со своим знанием, которое пока не имело формы.

Катя снова посмотрела на табло. Строка с её рейсом мигнула и пропала на секунду, а потом появилась снова, будто её кто-то стёр и тут же вернул. Катя сжала стакан с кофе так, что пальцы побелели.

Олег ещё раз взглянул на мужчин у схемы. Теперь они смотрели не на карту, а на зал — на людей, на выходы, на камеры. И в этом взгляде не было ничего случайного.

Напряжение висело в воздухе, как перед грозой. Оно было тихим, почти незаметным, пряталось за объявлениями о посадке, за смехом детей, за шуршанием упаковок. Но оно было. И каждый, кто умел слушать, мог его услышать.

Катя достала папку с докладом, провела пальцем по обложке, словно проверяя, на месте ли цифры, на месте ли факты. Цифры не лгут. И сейчас они шептали ей: что-то идёт не так.

Олег сунул книжку обратно в сумку, застегнул молнию чуть резче, чем нужно. Он не капитан судна, он банковский служащий. Его штормы — это графики и отчёты. Но сегодня ему казалось, что настоящий шторм уже здесь. Просто он ещё не показал своё лицо.

Объявили посадку на их рейс. Голос диктора звучал спокойно, буднично, как будто за пределами этого зала не существовало ни штормов, ни тревожных взглядов, ни мерцающих табло.

Катя глубоко вздохнула, взяла чемодан и пошла к выходу на посадку. Олег последовал за ней, оставаясь в нескольких шагах позади. Они не знали друг о друге ничего. Но судьба уже начала сплетать их пути — тихо, незаметно, как ветер сплетает волны перед бурей.

Посадка шла размеренно, но в этой размеренности чувствовалась натянутость — как будто весь процесс держался на тонком слое привычного порядка, который вот-вот мог треснуть. У выхода на телетрап скопилось небольшая очередь: кто-то нервно проверял посадочный на телефоне, кто-то торопливо застёгивал куртку, будто уже ощущал ледяной воздух за пре-

делами терминала. Катя шла, стараясь дышать ровно, но каждый раз, когда табло над головой снова едва заметно мигнуло, внутри всё сжималось.

— Документы, пожалуйста, — сухо сказала сотрудница у рамки.

Катя протянула паспорт и посадочный. Девушка скользнула взглядом по страницам, сверила фото, кивнула и вернула документы.

— Проходите, пожалуйста.

Катя шагнула вперёд, ощущая, как с каждым метром гул зала становится глуше, а воздух — чуть суше и холоднее. В телетрапе пахло озоном и пластиком, а пол под ногами был слегка пружинистым, непривычным. Она шла, глядя прямо перед собой, и вдруг снова поймала краем глаза ту самую женщину-стюардессу, которая разговаривала с ней у табло. Теперь она стояла у выхода из рукава, рядом с бортпроводником, и что-то тихо обсуждала, время от времени поглядывая в сторону очереди. В её взгляде было не просто внимание — в нём была насторожённость, будто она тоже чувствовала, что день выходит за рамки обычного.

Олег шёл чуть позади, держа сумку на плече и стараясь не ускорять шаг. Он не любил спешку перед полётом: она всегда казалась ему дурной приметой. Но сегодня спешка будто сама тянула его вперёд, подгоняла невидимой волной. Он снова бросил взгляд в сторону тех двоих мужчин. Они стояли теперь не у схемы, а ближе к выходу, как будто ждали своей очереди, но их позы оставались слишком собранными, слишком неподвижными для людей, которые просто хотят поскорее сесть в самолёт.

Один из них тихо, почти шёпотом, произнёс фразу, которую Олег случайно расслышал: — Через двадцать три минуты. Всё по графику.

Второй коротко кивнул, не поднимая глаз.

Олег замер на полшага, но тут же заставил себя сделать ещё один шаг, потом ещё. «Это не твоё дело, — твердил он себе. — Ты летишь на конференцию. Ты банковский аналитик. Ты не капитан, ты не спасатель, ты просто пассажир». Но слова «всё по графику» звучали в голове неестественно, будто относились не к посадке, а к чему-то другому.

В салоне Боинга 747 было светло и просторно, но эта просторность казалась обманчивой: ряды кресел, узкие проходы, иллюминаторы, за которыми пока виднелся только бетон перрона и редкие огни техники. Катя нашла своё место у окна и села, поставив сумку под сиденье. Она машинально проверила, плотно ли закрыта молния, будто это могло как-то защитить её от того, что надвигалось. Потом достала папку с докладом, положила её на откидной столик и на мгновение задержала ладонь на обложке. Цифры. Факты. То, что можно проверить. То, что не подводит.

Рядом в кресле устроился пожилой мужчина с газетой. Он улыбнулся Кате, кивнул, будто хотел сказать: «Всё будет хорошо», и тут же уткнулся в страницы. Катя слабо улыбнулась в ответ, но улыбка получилась натянутой.

Олег сел через несколько рядов, у прохода. Он поставил сумку рядом, расстегнул верхнюю молнию, чтобы быстро достать документы, если понадобится. Потом посмотрел в иллюминатор: за стеклом медленно отъезжал трап, а по перрону двигались машины наземного обслуживания — неторопливые, привычные, почти домашние. Но и в их движениях Олегу чудилась какая-то спешка, будто аэропорт тоже знал, что время идёт быстрее, чем должно.

Когда в салон вошли те самые двое мужчин, Олег почувствовал, как по спине снова пробежал холодок. Они шли спокойно, без суеты, но их походка была слишком ровной, слишком рассчитанной. Они заняли места в середине салона, недалеко от аварийного выхода, и сели так, чтобы видеть и проход, и оба выхода. Олег заметил, как один из них едва заметно коснулся подлокотника, проверяя, насколько легко он поднимается. Это было движение профессионала.

«Не придумывай, — снова сказал себе Олег. — Это просто пассажиры». Но внутренний голос, тот самый, который когда-то помогал ему чувствовать приближение шторма на море, шептал: «Нет. Это не просто пассажиры».

Тем временем Катя достала телефон и открыла приложение с метеоданными. Экран загружался непривычно долго, а когда наконец показал карту, Катя нахмурилась. Данные были неполными: часть спутников будто отключилась, а зоны штормов обозначались размытыми пятнами без точных координат.

— Опять серверы висят? — пробормотала она себе под нос.

Пожилой сосед поднял глаза от газеты:

— Что-то не так?

— Да нет, — Катя заставила себя улыбнуться. — Просто погода... не очень радует.

— А, погода, — кивнул мужчина, снова склоняясь над газетой. — Она никогда никого не радует. То дождь, то ветер, то вообще ничего не понятно.

Катя хотела возразить, сказать, что в её работе «ничего не понятно» быть не должно, но промолчала. Вместо этого она закрыла приложение, убрала телефон и посмотрела в иллюминатор. Стюардессы уже стояли у дверей, готовые к инструктажу. Их движения были чёткими, отработанными, но на лицах читалось напряжение — лёгкое, едва уловимое, но настоящее.

Инструктаж прошёл как в тумане. Катя слышала слова, но они не доходили до сознания: «аварийные выходы», «кислородные маски», «положение спинки кресла». Её мысли крутились вокруг карты, вокруг мерцающего табло, вокруг странной неполноты данных.

Когда стюардесса закончила, в салоне на мгновение повисла тишина — та самая, которая бывает перед чем-то важным. И в этой тишине Катя вдруг отчётливо поняла: шторм над Атлантикой уже не был просто прогнозом. Он становился реальностью. И этот рейс летел прямо ему навстречу.

Двигатели взвыли, набирая обороты, и самолёт медленно покатился по рулётной дорожке. За иллюминатором поплыли огни аэропорта, сливаясь в длинные полосы света. Катя вцепилась пальцами в подлокотники, чувствуя, как вибрация передаётся через металл кресла, через пол, через весь фюзеляж.

Олег закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Перед внутренним взором снова возникла старая палуба, солёный ветер, тяжёлые волны. «Если ты видишь волну, ты уже опоздал», — прошептал он про себя. И сейчас, в этом огромном, надёжном на вид самолёте, эти слова звучали особенно зловеще.

Самолёт вырулил на взлётную полосу. Двигатели взревели, заглушая все остальные звуки. Катя смотрела в иллюминатор, на тёмное небо, на редкие звёзды, которые едва пробивались сквозь городскую засветку. Ей казалось, что где-то там, за горизонтом, уже сгущается тьма — не просто ночь, а настоящая буря, которая ждала этого рейса.

Колёса оторвались от бетона, и самолёт начал набирать высоту. Город внизу рассыпался на тысячи огней, становясь всё меньше и меньше. Катя чувствовала, как уши закладывает от перепада давления, а внутри растёт странное, тяжёлое предчувствие.

Она посмотрела вперёд, вдоль салона, и снова увидела тех двоих мужчин. Один из них сидел спокойно, почти расслабленно. Второй медленно провёл пальцем по краю подлокотника, будто проверяя его на прочность. И в этом движении не было ничего случайного.

Катя перевела взгляд на Олега — он сидел через несколько рядов, смотрел в иллюминатор и сжимал пальцами край сиденья. На секунду их взгляды встретились. В его глазах читалось то же самое, что чувствовала она: понимание, что этот полёт не будет обычным.

И в этот момент, когда самолёт уже поднялся над городом и взял курс на Атлантику, в салоне погас свет — на долю секунды, не больше. Просто короткий провал, будто кто-то щёлкнул выключателем. А потом свет загорелся снова, ровный и спокойный, как будто ничего не произошло.

Но Катя знала: что-то произошло. И самое страшное было в том, что никто, кроме неё и, возможно, Олега, этого не заметил.

Глава 4. Взлёт и первые странности

Боинг 747 медленно вырулил на исполнительный старт. Катя смотрела в иллюминатор на тусклые огни рулёжной дорожки, и её не покидало чувство, будто она наблюдает за подготовкой к чему-то неизбежному. Самолёт замер на мгновение, словно прислушиваясь к ветру, а потом двигатели взвыли на пределе, и по всему фюзеляжу прошла тяжёлая, вибрирующая волна — будто металл протестовал против того, что его заставляют лететь навстречу буре.

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.